

Россия и Китай: двойственный союз

Москва не жаждет стратегического альянса с Пекином, но нарастающее раздражение в отношениях с Западом объективно способствует сближению России с Китаем | **ЭНДРЮ КАЧИНС**

Российское восприятие Китая формируется под влиянием сложного комплекса геополитических, экономических, исторических и культурных факторов. В целом это восприятие изначально двойственно. Тем не менее российская политика в отношении Китая, в последние 15 лет, то есть при президентах Борисе Ельцине и Владимире Путине, руководствовалась в основном прагматическими соображениями, что способствовало постепенному сближению и упрочению контактов. «Стратегическое партнерство», о котором в 1996 году договорились Ельцин и президент Китая Цзянь Цзэминь и в котором тогда было больше слов, чем содержания, с приходом Путина к власти в 2000-м стало приобретать реальные очертания, поскольку экономическое и политическое сотрудничество между странами неуклонно расширялось.

Москва не жаждет стратегического альянса с Пекином, но нарастающее раздражение в отношениях между Соединенными Штатами и Россией, а также между Европой и Россией объективно способствует сближению России и Китая. Пока еще нередко с российской стороны звучат опасения, что Россия со временем скатится до положения «младшего партнера Китая» или даже превратится в его сырьевой придаток. Однако эта тре-

вога постепенно стихает по мере того, как Россия становится все более уверенной в себе благодаря настоящей макроэкономической революции, происходящей в стране в последние несколько лет. Российское руководство и эксперты по международным отношениям так же, как и политическая элита Китая, понимают, что неустойчивый альянс 1950-х, за которым последовал полный разрыв отношений между Россией и Китаем в 1960–1970-х годах, был огромной стратегической ошибкой.

Отношение Москвы к Китаю в определенной мере отражает самоидентификацию России, ее представление о себе как об уникальной евразийской державе. Занимая огромную территорию между Европой и Азией, Россия часто на протяжении истории ощущала некую раздвоенность, ибо, с одной стороны, она несет в себе азиатское наследие, связанное с нашествием монголов в тринадцатом столетии, а с другой — опыт реформ западного типа, периодически проводившихся российскими правителями от Петра Великого, Екатерины Великой и Александра II до Михаила Горбачёва и Бориса Ельцина.

ПЕРЕВОД СТАТЬИ ЭНДРЮ КАЧИНСА (ANDREW KUCHINS) «RUSSIA AND CHINA: THE AMBIVALENT EMBRACE», ОПУБЛИКОВАННОЙ В ЖУРНАЛЕ CURRENT HISTORY (ОКТАБРЬ 2007) © 2007, CURRENT HISTORY, INC. ПУБЛИКУЕТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ЭТОГО ЖУРНАЛА

Исторически Азия всегда занимала особое место в воображении русских и в их понимании собственной версии «Явного Предначтения» *: они рассматривали ее как обширный регион, имеющий колоссальное значение для развития России и реализации ее роли в мире. Эти представления выражены в знаменитых словах Достоевского, написанных им в 1881 году, после того как российские войска, пытавшиеся завоевать Центральную Азию, нанесли поражение туркменам: «Какая необходимость в грядущем захвате Азии? Что нам в ней делать? Потому необходимость, что Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход! <...> В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы. Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение. Постройте только две железные дороги, начните с того, — одну в Сибирь, а другую в Среднюю Азию, и увидите тотчас последствия» ¹.

Конечно, на протяжении значительной части своей истории, особенно в XIX и XX столетиях, когда отношения между Китаем и Россией быстро развивались в рамках первой волны глобализации, Россия считала себя более мощной державой. В недолгий период китайско-советского альянса в 1950-х годах Советский Союз называл себя «старшим братом». Сегодня Россия оказалась

* Термин «Явное Предначтение» (*Manifest Destiny*) восходит к американскому представлению XIX века о том, что американская территориальная экспансия является очевидным благом ввиду собой миссии США как оплота свободы и демократии. — Прим. ред.

более слабым партнером Китая, и это беспрецедентная ситуация: такого не бывало с начала освоения русскими Сибири в XVII столетии.

Китай как противовес

В настоящее время Китай представляет собой альтернативный центр притяжения, главный «противовес» российской ориентации — политической, экономической и культурной — на Соединенные Штаты и Европу. Вскоре после вступления Путина в должность президента в 2000 году, в своей первой поездке по Азии, программа которой включала и посещение Китая, Путин изящно указал на важность баланса во внешней политике страны. «Россия, — сказал он, — большое сложное государство, которое расположено и в Азии, и в Европе... Россия опиралась и будет всегда опираться как бы на два крыла — на европейское и азиатское...» ²

Если говорить шире, российские взгляды на Китай и международные отношения определяются традиционными соображениями *Realpolitik*, которая всегда реагирует на динамику возвышения и ослабления великих держав. В рамках такого вполне реалистичного подхода российское восприятие Китая часто зависит от состояния американо-российских отношений и в целом уровня партнерства Москвы с Западом. В 1990-х годах, когда Россия испытывала серьезное недовольство американской поддержкой расширения НАТО, войной в Косово и развертыванием американской системы национальной противоракетной обороны, правительство Ельцина стремилось сблизиться с Пекином. В последние годы американская политика продвижения демократии и рост влияния США в постсоветских государствах также побуждают правительство Путина искать сближения с Китаем.

Ельцин четко обозначил роль Китая как противовеса Западу, когда сказал в 1995-м:

«Китай является для нас важнейшим государством. Это наш сосед, с которым мы имеем самую длинную границу в мире и с которым нам навечно суждено работать бок о бок. От успеха сотрудничества с Китаем зависит будущее России. Отношения с Китаем чрезвычайно важны для нас и с точки зрения глобальной политики. Мы можем опереться на плечо Китая в отношениях с Западом. Тогда Запад станет относиться к России с большим уважением»³. Как и Ельцин, Путин неоднократно предпринимал шаги в сторону улучшения отношений с Китаем в качестве альтернативы прозападной внешней поли-

подозрительное отношение к контактам между Китаем и Россией характерно для правого крыла политического спектра.

Понятно, что желание использовать друга в качестве противовеса усиливается и в Москве, и в Пекине в ответ на демонстрацию мощи Соединенных Штатов, например, после войны в Косово в 1999 году и вторжения в Ирак в 2003-м. Равным образом оно усиливается в ответ на события, которые воспринимаются как дальнейшее наращивание американской мощи, в частности, расширение НАТО, создание системы противоракетной обороны и поддержка «цветных революций» на евра-

“Американская политика продвижения демократии и рост влияния США в постсоветских государствах побуждают правительство Путина искать сближения с Китаем».

тике — в тех случаях, когда Вашингтон недостаточно принимал во внимание интересы Москвы.

Соединенные Штаты и их союзники на протяжении 1990-х годов по большей части достаточно спокойно относились к постепенному сближению между Россией и Китаем. Те, кто скептически относился к возможности реального союза между Москвой и Пекином против Соединенных Штатов, указывали на то, что у двух стран долгая история сложных отношений, острой конкуренции и периодических конфликтов на протяженной приграничной территории. Они также говорили о растущем соперничестве в Центральной Азии и в других регионах в наши дни. Бывший генеральный секретарь НАТО Джордж Робертсон сформулировал эту точку зрения в своем выступлении в Узбекистане в 2000 году. «Отношения между Россией и Китаем, — сказал он, — это проблема России и Китая, но [такой союз] они пытались создать и раньше, и нельзя сказать, чтобы успешно». В американских политических кругах более

зийском пространстве. Подобное стремление к восстановлению равновесия сдерживается, во-первых, отсутствием достаточно серьезных угроз как для России, так и для Китая, а во-вторых, тем, что, по крайней мере в военном отношении, китайско-российский союз не сможет создать адекватный противовес американской мощи ни в краткосрочной, ни в среднесрочной перспективе.

Однако продажи российского оружия Китаю вызывают все большее беспокойство в военных кругах США. Там опасаются, что с помощью Москвы Китай настолько нарастит свой военный потенциал, что сможет нанести серьезный урон Седьмому флоту США в случае открытого столкновения из-за Тайваня. В течение последних 15 лет Китай был самым крупным покупателем российского оружия. В 1990-х годах Москва поставляла Пекину оружие в среднем на 1–2 млрд дол. в год. В последние семь лет объем ежегодных продаж составил уже от 2 до 3 млрд дол., то есть примерно от 30 до 40 проц. общего объема продаж российского оружия.

Уже не больной

Беспокойство в американских политических кругах по поводу сближения России с Китаем значительно усилилось в 2005 году, когда Пекин и Москва оказали поддержку президенту Узбекистана Исламу Каримову после жестокого подавления майских волнений в Андижане. Затем последовало выдворение американских военных с базы в Карши-Ханабаде и, наконец, подписание в ноябре 2005-го договора о безопасности между Россией и Узбекистаном. Многие российские аналитики сочли эти события поворотным моментом, утверждая, что влияние Москвы в Центральной Азии, а также ее роль в формировании китайско-российской оси значительно возросли. Один близкий к Кремлю аналитик сказал мне: «Создается впечатление, что внешнеполитическая экспансия США достигла своего предела и теперь начинается эпоха постепенного ослабления американской империи».

После тяжелейшего опыта смутного времени, пережитого в 1990-х годах, в России наступил период восстановления, и в 2005-м и 2006-м страна стремительно набирала уверенность в себе. Действительно, масштаб и скорость возрождения России были столь же неожиданны, сколь и внушительны. Цифры просто поражают. Так, по данным московской инвестиционной компании «Тройка Диалог», в период с 1999-го по 2006 год номинальный ВВП вырос почти в пять раз: с менее чем 200 млрд дол. до более чем 900 млрд, а в 2007-м он должен был превысить 1,2 трлн дол. Валютные резервы России за тот же период выросли в 20 раз: от примерно 20 млрд дол. в начале первого президентского срока Путина до сегодняшних 470 с лишним миллиардов. Российский фондовый рынок в последние семь лет был и остается одним из самых динамичных в мире, и его стоимость за это время увеличилась примерно на 1 000 процентов. Средняя заработная плата за

эти же годы выросла в четыре раза. Не удивительно, что при таких экономических показателях рейтинги популярности Путина по-прежнему превышают 70 процентов.

В 1999–2000 годах для своих публичных выступлений, посвященных России, я неоднократно использовал название «Россия: евразийский больной»⁴. В 2007-м положение изменилось. Какую бы проблему мы ни взяли — Иран, ближневосточное урегулирование, поставки газа и нефти в Европу и Азию, иностранные инвестиции в энергетический сектор, — сегодня Россия отстаивает свои интересы намного более уверенно, нежели десять лет назад, пять лет назад или даже год назад. И именно эта поразительная перемена судьбы вкупе с американской внешней политикой оказали наибольшее влияние на отношение России к Китаю и на ее китайскую политику.

Короткий медовый месяц

После терактов 11 сентября 2001 года Путин решил, что Россия должна поддержать США в войне, которую они ведут в Афганистане, и согласился на создание американских военных баз в Средней Азии. Казалось, он так же спокойно воспринял и второй этап расширения НАТО, и выход США из договора по ПРО. Это вызвало серьезное беспокойство во внешнеполитических и военных кругах Китая в 2001 и 2002 годах, поскольку многие полагали, что Путин радикально меняет сбалансированную внешнюю политику России и берет курс на сближение с Вашингтоном.

Этот второй медовый месяц в отношениях между США и Россией достиг апогея в мае 2002-го, когда президент Джордж Буш приехал в Москву, где подписал Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов, определяющий максимально допустимое число оперативно развертываемых ядерных боеголовок. Соединенные Штаты также присвоили России статус стра-

ны с «рыночной экономикой», расширили двусторонние торговые отношения и позволили Москве еще на шаг приблизиться к членству во Всемирной торговой организации.

Однако, как и первый американо-российский медовый месяц в 1992 году, близость, установившаяся было после 11 сентября 2001-го, оказалась недолгой. Да, Путин принял смелое решение, безоговорочно поддержав действия Соединенных Штатов в Афганистане и тем самым пойдя наперекор рекомендациям большинства представителей российской внешнеполитической элиты. Однако и он сам, и его коллеги в Кремле

Действительно, ухудшение американо-российских связей в последние четыре года резко контрастирует с продолжающимся укреплением экономического, оборонного и политического сотрудничества между Россией и Китаем. Путин не раз повторял в последние годы, что китайско-российские отношения еще никогда не были так хороши, как сейчас, между тем как отношения США и России сейчас прохладнее, чем когда бы то ни было после распада Советского Союза.

Беспокойство Запада относительно усиления авторитаризма в России и роста влияния России на ее ближайшее окружение возрос-

“Как и первый американо-российский медовый месяц в 1992 году, близость, установившаяся было после 11 сентября 2001 года, оказалась недолгой”.

быстро поняли, что это решение не было по достоинству оценено администрацией Буша и фактически не принесло России никаких дивидендов. Протест Москвы по поводу решения США выйти из Договора по ПРО и держать курс на расширение НАТО, возможно, в тот момент звучал не слишком громко. Но действия Вашингтона осенью 2001-го, почти сразу после того, как Путин поддержал своего «друга Джорджа», разочаровали русских — они поняли, что практически не получили вознаграждения за эту поддержку.

С наступлением 2002 года становилось все более очевидным, что администрация Буша предпримет военные действия против Ирака — несмотря на возражения Путина и большей части международного сообщества, включая Китай. Хотя Путин был против решения американской администрации начать вторжение в Ирак, и Вашингтон, и Москва стремились избежать серьезной размолвки. Однако ряд других событий и процессов загнали их отношения в штопор, из которого они не могут выйти до сих пор.

ло в конце 2004-го — с началом «оранжевой революции» в Украине. Причины «оранжевой революции», а также случившихся до и после нее «революции роз» в Грузии, в результате которой к власти пришел прозападный лидер Михаил Саакашвили, и «революции тюльпанов» в Киргизии, свергнувшей режим Аскара Акаева, в Москве и в Вашингтоне оцениваются совершенно по-разному. В России движущей силой «цветных революций» склонны считать прежде всего неправительственные организации и политиков, получивших поддержку Соединенных Штатов и других западных стран. Между тем Соединенные Штаты и их европейские союзники придерживаются той точки зрения, что перевороты произошли в первую очередь из-за фальсификации результатов выборов и народного недовольства коррупцией во властных и бюрократических кругах.

Взгляды Вашингтона и Москвы на эти события расходились все дальше, поскольку официальные лица и экспертное сообщество

в Вашингтоне утверждали, что авторитарные наклонности Путина побуждают его поддерживать диктатуру и тем самым противодействовать демократии в странах, соседствующих с Россией. При этом полуофициальная точка зрения, распространенная в России, состояла в том, что Соединенные Штаты вмешиваются в дела стран, которые, по мнению Москвы, входят в сферу ее влияния. Позицию США в России считали лицемерной, потому что, по утверждению Москвы, Вашингтон заботится не о реальной демократии, а лишь о смене режима и приходе к власти проамериканских политиков, таких, как Саакашвили в Грузии и Виктор Ющенко в Украине.

Консенсус Пекина и Москвы?

Пока между Вашингтоном и Москвой нарастали противоречия, китайцы в основном оставались в стороне — до тех пор, пока призрак «цветных революций» не появился в Центральной Азии: сначала — в марте 2005-го — в Киргизии, а затем — в мае того же года — произошли гражданские волнения в Узбекистане, причем в Андижане они были жестоко подавлены. Опасения, что волнения в Центральной Азии могут просочиться через границу и охватить мусульманское население в провинции Синьцзян, побудили Пекин открыто принять сторону Каримова, встать на защиту принципов порядка и суверенитета, отстаивая недопустимость вмешательства внешних сил во внутренние дела страны. После событий в Андижане Каримов вскоре отправился в Пекин и Москву, где получил полную поддержку своих действий. Демаркационные линии между Западом с его защитой демократии и прав человека и Евразией, где все настойчивее заявлял о своих интересах нарождающийся «авторитарный интернационал» во главе с Москвой и Пекином, обозначались все более отчетливо.

Пока неясно, как далеко Москва и Пекин готовы пойти, чтобы противостоять интере-

сам Соединенных Штатов в Евразии, но то, что в 1990-х годах казалось по большей части голой риторикой в поддержку «многополярного мира», теперь обретает реальное содержание. Один из примеров — сотрудничество России и Китая в Совете Безопасности ООН по все более широкому кругу проблем. Китайцы поддержали позицию России в вопросе санкций против Ирана и, вероятно, последуют за Россией и в вопросе статуса Косова. В январе 2007-го Россия и Китай впервые совместно наложили вето на резолюцию ООН, касающуюся санкций в отношении Бирмы.

Другим примером координации действий России и Китая стало принятое в 2005 году Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), в которую входят Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан, решение запросить у Соединенных Штатов разъяснений относительно их планов вывода войск с военных баз, созданных в Центральной Азии после 11 сентября. На встрече участников Совета глав правительств государств ШОС в Москве в 2005-м присутствовали также представители Индии, Ирана, Монголии и Пакистана, которые незадолго до этого получили статус государств-наблюдателей. В своем вступительном слове Путин с гордостью объявил, что на совещании представлены 3 миллиарда человек, то есть фактически половина населения планеты. Путин также отметил, что «Шанхайская организация сотрудничества вышла уже далеко за рамки первоначально заявленных задач»⁵.

В отношении России к ШОС проявляется та же двойственность, которая характеризует ее восприятие Пекина. Это естественно, поскольку китайско-российские отношения составляют ядро Шанхайской организации сотрудничества. В России обладала точка зрения, будто в своей основе ШОС это китайский проект, что видно даже из названия этой организации. Русские

предпочли бы, чтобы основной многосторонней организацией в сфере безопасности в Центральной Азии было бы что-то наподобие Организации Договора о коллективной безопасности, в которой Россия очевидно занимает доминирующее положение, при том что Китай туда вообще не входит. Но и в нынешней ситуации российское руководство проводит прагматичную и реалистическую политику. В Москве понимают, что китайское влияние в Центральной Азии — и в сфере экономики, и в сфере безопасности — есть естественное следствие географического положения Китая и усиления его могущества. В сложившихся обстоятельствах Москва исходит из того, что в ее интересах, чтобы региональное влияние Китая реализовывалось через организацию, в которую входит также и Россия, — ШОС вполне для этого подходит.

Сдвиг глобального равновесия

Наблюдается поразительное сходство между складывающимися в России и Китае идеологическими установками, на которых базируются представления обеих стран о мире в целом и о собственной глобальной роли в нем. Администрация Путина активно продвигает новую идеологию, которую русские часто называют «суверенной демократией». Отправной точкой для понимания концепта суверенной демократии является восприятие 1990-х годов в России как современного эквивалента Смутного времени — периода безвластия, предшествовавшего воцарению династии Романовых в 1613-м: тогда страну охватил хаос и иностранное влияние на внутрirosсийскую ситуацию было чрезвычайно велико. Если принять эту точку зрения, то Путин восстановил стабильность и направил Россию на путь возрождения, причем сделал это, не отказываясь от демократических ценностей и институтов, а приспособив их к российским ценностям и традициям.

В начале 2007 года министр иностранных дел Сергей Лавров так охарактеризовал внешнюю политику в условиях суверенной демократии: «...Получающие широкое признание в мире основополагающие принципы нашей внешней политики — прагматизм, многовекторность, последовательная, но без конфронтации защита понятных национальных интересов. <...> Вслед за нами многие государства приходят к пониманию того, что новый, более безопасный, справедливый и демократический миропорядок, фундамент которого мы сообща закладываем сегодня, может быть только многополярным, строиться на основе международного права, при центральной роли ООН, обладающей уникальной легитимностью»⁶.

Конечно, эту риторику едва ли можно назвать новой. Легко представить себе Евгения Примакова в бытность его министром иностранных дел в 1990-х годах или Андрея Громыко, занимавшего эту должность более четверти века при советской власти, произносящими примерно те же слова. Но риторика Лаврова одновременно имеет много общего с китайскими идеологическими формулами.

Словесное оформление и тактические принципы китайской внешней политики наглядно представлены в концепции так называемого Пекинского консенсуса, описанной Джошуа Купером Рамо⁷. Пекинский консенсус — это прежде всего модель социально-экономического развития, которую китайцы успешно реализуют и которая существенно отличается от так называемого Вашингтонского консенсуса, предлагаемого администрацией США и такими многосторонними организациями, как Международный валютный фонд и Всемирный банк. Пекинский консенсус определяет основы внешней политики и международных отношений, которые во многом перекликаются с суверенной демократией Кремля.

Во-первых, единственно правильного пути развития не существует. Методом проб и ошибок страна должна найти путь, максимально соответствующий ее культуре и традициям, и никакая другая страна или организация не должна пытаться извне навязать ей какую-то иную модель. Большинство русских сегодня считают, что советы западных консультантов и международных организаций не только не способствовали разрешению социально-экономических проблем России, но, напротив, обострили их. Согласно китайскому взгляду на развитие России в последние 15 лет, в 1990-х Москва выбрала неправильный путь, но администрация Путина изучила опыт китайских реформ и начала исправлять ошибки, из-за которых страна потеряла значительную часть своей мощи.

Еще одно сходство между Москвой и Пекином касается их отношения к изменению глобального баланса сил: от однополярного мира 1990-х к действительно многополярному миру. Разговоры об этом далеко не новость, но сегодня мы наблюдаем убедительные свидетельства того, что равновесие сил в мире действительно смещается — и Россия видит себя среди «восходящих» держав. Последние несколько лет в финансовых и инвестиционных кругах используется аббревиатура *BRIC*, обозначающая четыре крупные и быстро развивающиеся в экономическом отношении державы: Бразилию, Россию, Индию и Китай. Сам Путин в своей речи в Мюнхене в феврале этого года упомянул *BRIC* как мощный стимул к переустройству мира: «Так, суммарный ВВП Индии и Китая по паритетной покупательной способности уже больше, чем у Соединенных Штатов Америки. А рассчитанный по тому же принципу ВВП государств группы БРИК — Бразилия, Россия, Индия и Китай — превосходит совокупный ВВП Евросоюза. И, по оценкам экспертов, в обозримой исторической перспективе этот разрыв будет только

возрастать. Не стоит сомневаться, что экономический потенциал новых центров мирового роста будет неизбежно конвертироваться в политическое влияние и будет укреплять многополярность»⁸.

Политические круги в Вашингтоне не спешат признать тот факт, что Россия окрепла, а ее международное влияние выросло. В США доминирует представление, что развитие России приняло неблагоприятный оборот, поскольку она становится все более авторитарной и, по выражению вице-президента США Дика Чейни, все громче бряцает своим энергетическим «оружием»⁹. Между тем существует и другой аспект изменения баланса сил: ослабление международного влияния Америки. На протяжении 2006 года мне не раз приходилось обсуждать эти проблемы с китайскими и российскими учеными и аналитиками, и у меня сложилось впечатление, что в российских и китайских политических кругах существует достаточно широкое согласие: в обеих странах полагают, что Соединенные Штаты совершили серьезную ошибку. Ввязавшись в иракскую войну, они переоценили свои возможности, и в результате задача поддержать демократические процессы в Центральной Азии и в некоторых других регионах также оказалась для них непосильной.

Внешние факторы сближения

Несмотря на ощущение, что баланс сил в мире меняется, и очевидное охлаждение американо-российских отношений, российские элиты воспринимают превращение Китая в сверхдержаву в лучшем случае двойственно. На официальном уровне Путин и его правительство склонны подчеркивать позитивные моменты, и действительно отношения между Россией и Китаем сегодня, наверное, лучше, чем когда-либо. Но в свете истории российско-китайских отношений, вряд ли можно считать эту тенденцию необратимой.

В 1990-х в России шли оживленные споры о Китае, прежде всего о том, является ли он потенциальным другом или противником и целесообразно ли продавать ему оружие и технологии. Сейчас споры такого рода — и идеологические, и те, что ставили во главу угла региональные проблемы, — в значительной степени прекратились. Впрочем, это не очень показательно, так как в годы правления Путина публичное обсуждение даже самых острых проблем внутренней и внешней политики практически сошло на нет. К тому же то поколение специалистов по Китаю, которое формировало представление

ческому присутствию Китая в России, а 66 проц. россиян считают участие китайских компаний и китайских рабочих в разработке месторождений полезных ископаемых в Сибири и на российском Дальнем Востоке опасным для страны. На первый взгляд эти результаты говорят о когнитивном диссонансе. Однако на самом деле они, возможно, сочетают в себе стратегический взгляд на Китай как на партнера, с которым можно вместе сдерживать Соединенные Штаты, с ощущением экономической и демографической уязвимости российских регионов, граничащих с Китаем.

“Пекинский консенсус определяет основы внешней политики и международных отношений, которые во многом перекликаются с суверенной демократией Кремля”.

об этой стране в период правления Брежнева и продолжало активно работать в 1990-х, уже неактуально: кого-то нет в живых, кто-то ушел на пенсию, кто-то в бизнес. При этом необходимого количества молодых ученых и специалистов по международным отношениям и страноведению, которые могли бы заменить их, попросту нет.

Отношение к Китаю в российском обществе в целом достаточно позитивное, но, по всей вероятности, это главным образом объясняется тем, что большинство россиян черпает информацию из государственного телевидения, фактически управляемого из Кремля. Оно рисует достаточно радужную картину отношений с Китаем — такую, в какой заинтересованны Путин и его окружение. Тем не менее, согласно данным опроса, проведенного ВЦИОМом в июле 2005 года, несмотря на то, что 56 проц. граждан России рассматривают Китай как стратегического партнера или даже союзника, 62 проц. населения отрицательно относится к увеличивающемуся экономи-

Несмотря на извечную настороженность по отношению к Китаю со стороны российского руководства и российского населения, связи Москвы с Пекином при Ельцине и Путине значительно укрепились. Экономическое сотрудничество, которое за время правления Путина привело почти к пятикратному росту объемов торговли — около 35 млрд дол. в 2006 году, — будет, судя по всему, быстро расти и дальше по мере увеличения объемов поставок нефти и газа в ближайшие несколько лет. Вполне вероятно, что страны достигнут объявленных ранее целей и доведут ежегодный торговый оборот до 60 млрд дол. к 2010 году и до 100 млрд дол. к 2020-му.

Пока остается неясным, как будут развиваться стратегические отношения России и Китая в дальнейшем — эта неопределенность касается и Шанхайской организации сотрудничества, и сотрудничества в ООН, и продаж российского оружия. Во многом это будет зависеть от действий США. Например, если Соединенные Штаты предпримут военные действия против Ирана без санкции ООН,

это несомненно сблизит Россию и Китай в стратегическом плане. Военный конфликт между США и Китаем по поводу Тайваня поставит Россию в сложную ситуацию, но полагаю, что Москва предпочтет не поддерживать ни ту ни другую сторону. Если европейцы и/или американцы снимут эмбарго на продажу оружия Китаю, то со временем российские поставщики военной техники утратят господство на китайском рынке. Более наступательная тактика США в деле продвижения демократии и борьбы за права человека, если это пойдет вразрез с интересами России на постсоветском пространстве, вероятно, будет также способствовать сближению России и Китая.

Еще одним важным фактором, определяющим динамику стратегических отношений между Россией и Китаем, станет развитие российского нефтегазового сектора. В последние лет десять Китай, где потребление нефти растет быстрее, чем в любой другой стране мира, смотрел на Россию как на важный альтернативный источник нефти и, в меньшей степени, газа. На сегодня китайцы по большей части недовольны вялым развитием китайско-российских отношений в сфере энергетики, а за ресурсы Центральной Азии (особенно Туркмении, но также и Казахстана) они с Россией конкурируют. Однако кроме денег, в которых Москва

на сегодняшний день не испытывает недостатка, китайские компании мало что могут предложить русским по части разработки новых российских месторождений. Между тем эти проекты потребуют невиданных в истории капиталовложений и одновременно решения невиданных доселе технических задач, для осуществления которых может пригодиться управленческий и технический опыт, накопленный западными компаниями. Таким образом, если иностранные компании будут допущены к участию в разработке российских углеводородных запасов, у западного бизнеса, скорее всего, будут важные преимущества. Конечно, эта ситуация может измениться, если отношения России с Западом будут становиться все хуже, а коррупция в сфере судопроизводства и бизнеса усилится.

Итак, в силу исторических, культурных, географических и экономических причин предпочтительной для России является ориентация на Запад — с одновременным укреплением связей с Китаем по причинам внутреннего характера, а также ради достижения равновесия с США и Европой. Только события чрезвычайной важности и силы могут изменить траекторию движения России, которая оставалась неизменной почти все последние 15 лет после недолгого явного крена в сторону Запада, наблюдавшегося сразу после распада Советского Союза.

Примечания ¹ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя // *Достоевский Ф.М.* Полное собр. соч. в 30-ти томах. Л.: Наука (Ленинград. отд.). Т. XXVII. С. 33; 36–37.

² Интервью китайской газете «Жэньминь жибао», китайскому информационному агентству Синьхуа и телекомпании РТР. 16 июля 2000 г. (http://www.kremlin.ru/appears/2000/07/16/0000_type63379_125060.shtml).

³ Цит. по: *Бажанов Е.П.* Актуальные проблемы международных отношений. М.: Научная книга, 2002. Т. 2. С. 419.

⁴ Парафраз известного высказывания Николая I об Османской империи, которую он назвал «европейским больным» — **Прим. ред.**

⁵ Начало встречи с участниками Совета глав правительств государств — членов Шанхайской организации сотрудничества. 26 окт. 2005 г. (http://www.kremlin.ru/appears/2005/10/26/1722_type63377type63378_96193.shtml).

⁶ Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова перед слушателями «Зимней дипломатической школы» МГИМО. Москва. 29 янв. 2007 г. (http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/cf668cc15fb91084c325727300505440?OpenDocument).

⁷ *Ramo J.* The Beijing Consensus. L.: The Foreign Policy Center. Spring 2004 (<http://fpc.org.uk/publications/123>).

⁸ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Мюнхен. 10 февр. 2007 г. (http://www.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml).

⁹ *Vice President's Remarks at the 2006 Vilnius Conference.* Vilnius, Lithuania. (<http://www.whitehouse.gov/news/releases/2006/05/20060504-1.html>).